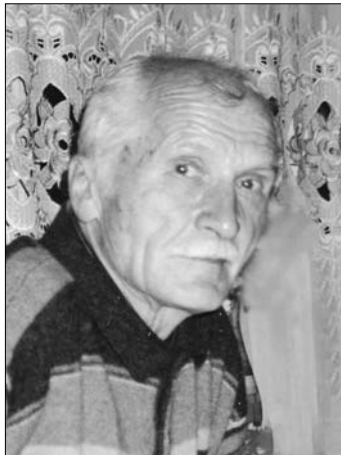

ЮРИЙ КЛЮЧНИКОВ

ГЕНЕРАЛИССИМУС ПОБЕД

Подборка стихотворений об И. В. Сталине, публикуемая ниже, складывалась в течение сорока лет, начиная с 1974 года. Не могу сказать, что моё отношение к покойному советскому вождю было неизменным, как это может показаться из стихов. Оно было в различные периоды истории разным, но всегда уважительным. Более того, с годами, особенно с обстановкой, сложившейся в России в 90-е годы, это уважение лишь возросло. Ставшие доступными многочисленными исторические материалы и факты неопровержимо свидетельствуют: многие шаги Сталина, главного создателя советской России, были продиктованы не особенностями его “злодейского характера”, как нам внушают до сих пор, но сложившейся вокруг страны и внутри неё обстановкой. Даже такой непримиримый противник коммунизма, как Черчилль, вынужден был признать, что фигура советского вождя, как никакая другая, “импонировала жестокому времени”, в которое он жил и руководил Россией. А время было неприкрыто хищническим. Такой сдерживающий фактор, как атомное оружие, появился лишь в самом конце его эпохи, так что советскому лидеру приходилось опираться не только на естественных и “единственных союзников” России – армию и флот, как говорил царь Александр III, – но и на непомерно усилившиеся органы государственной безопасности.

Благодаря усилиям историков-патриотов, дипломатов, лучших представителей технической и художественной интеллигенции России подготовлены все условия для реабилитации образа Сталина, оболганного Н. С. Хрущёвым и рядом представителей так называемой либеральной интеллигенции. За рубежом в целом ряде стран отношение к Сталину сохранилось гораздо более взвешенным. Например, во Франции некоторые памятные места Парижа до сих пор хранят его имя. Народное мнение в нашей стране о советском вожде как о великой личности и самом успешном руководителе страны тоже в целом неизменно, о чём свидетельствуют результаты соцопросов, телевизионная игра “Имя – Россия”, проведённая на первом канале российского телевидения в 2008 году, или невероятный успех фильма Фёдора Бондарчука “Сталинград”.

Однако официальная оценка советского периода нашей истории, создателей и руководителей Советского государства Ленина и Сталина остаётся, мяг-

ко говоря, неопределённой или негативной. Попытки восстановить прежнее название города Сталинграда, несмотря на преобладающее общественное «да», натываются на ничем не объяснимое сопротивление: «весь мир – против»... Хотя слово Сталинград, по свидетельству Николая Старикова, присутствует в названиях нескольких тысяч объектов в одной только Франции! А ежегодно и торжественно отмечаемые у нас праздники Дня Победы сопровождаются полной амнезией по поводу имени Верховного главнокомандующего. Складывается ощущение, что мнение Запада (даже после санкций) и антисталинский настрой нашей либеральной элиты для власти до сих пор важнее, чем мнение народа. Невольно напрашивается параллель наших СМИ с нынешними украинскими. Там пытаются внушить, что ополченцы обстреливают сами себя, а нам – что в Отечественной войне «победил народ вопреки Сталину». Не стану входить в объяснения данного внеисторического абсурда (потому что никогда великие победы не одерживались против воли великих руководителей), это не дело поэзии. Стихи мои продиктованы личными наблюдениями. Поэтому позволю себе предварить их публикацию некоторыми комментариями.

Сразу же оговорюсь: на это отношение к Сталину и советской власти никак не повлияли перипетии моей личной судьбы – попытки исключить меня из партии за идеализм и богоискательство, длившиеся три года и включавшие не менее 70 партсобраний и иных разборок, которые завершились строгим выговором с занесением в учётную карточку и шестью годами работы грузчиком на хлебозаводе. Всё это сделало из меня поэта и ещё больше укрепило уважение к советской власти и Сталину.

Например, стихотворение «Комаровка» написано на основе впечатлений от командировки на томский Север в 1974 году, где я видел в глухой тайге «кулацкие посёлки», построенные ссыльными крестьянами в 30-е годы. Уже тогда они были брошены, жители переселились либо в города, либо в крупные населённые пункты области. И что характерно: при встрече с потомками бывших ссыльных, а также с ними самими (некоторые в ту пору были ещё живы) я не слышал проклятий в адрес сталинского прошлого. У меня были даже встречи с эстонцами, высланными в Сибирь уже после войны. Я спросил одного из них, почему он не вернулся на родину, когда это было разрешено. Ответ был такой: «Что мне делать в Эстонии? Я – охотник, привык к просторам. А Эстония – пуговица в сравнении с русской шубой». Мой собеседник при этом красноречиво указал на свой волчий полушубок, видимо, сшитый из добытой собственными руками шкуры зверя. Повторюсь: ни от одного обитателя брошенных «комаровок» я не слышал ни слова хулы на Сталина или на советскую власть. Именно это обстоятельство позволило мне закончить стихотворение словами:

*...Стоишь, пока тайгой не заросла,
как памятник эпохе и народу,
не помящему той эпохе зла.*

Стихотворение «Баллада о директоре завода» написано со слов моего отца, которому один из «красных директоров» военного времени рассказал слышавшуюся ним лично историю. Мой отец в 1941–1945 годах не воевал, он работал на оборонном заводе сначала мастером, потом начальником цеха. Для этих людей, то есть тыловых руководителей, существовала так называемая «бронь» – на фронт их не брали, но они обязаны были чуть ли не круглосуточно трудиться на производстве. В конце 1942-го он в результате непомерного труда тяжело заболел туберкулёзом и гепатитом одновременно. Помню жёлтое лицо отца, помню, как у него вместе с кашлем изо рта лилась кровь, человек умирал. И вот в самое, можно сказать, тяжкое для страны время моего отца посылают на курорт в Хабаровский край, да ещё на два месяца. Он вернулся здоровым, полным сил и благодарности. И тут же подал заявление с просьбой принять его в ряды ВКП(б). Именно на хабаровском курорте отец познакомился с лечившимся там директором металлургического завода, образ которого лёг в основу стихотворения «Баллада о директоре завода».

Что касается Сталина, то мой отец всегда хранил уважение к его личности.

В 1943-м мне, 12-летнему мальчишке, самому пришлось с июня по август поработать на отцовском заводе учеником токаря. Я был свидетелем и участником трудовой обстановки, которая царилла тогда. Спрос и ответственность были весьма суровыми, основной трудовой контингент составляли женщины и подростки, рабочие смены продолжались 12 часов. Несмотря на всё это,

завод полностью справлялся с задачами фронта. Да, был жёсткий спрос, но была умело поставленная идеологическая работа, вера в победу. Одни подростки трудились на заводах, а другие бежали на фронт к сражающимся отцам. Люди припадали к радио, жадно слушая военные сводки. Доверие к средствам массовой информации, а особенно к тому, что было сказано людьми власти, было безусловным. Словосочетания “правительственный чиновник” в ту пору вообще не существовало.

Годы войны и несколько лет после неё я жил в городе Ленинске-Кузнецком Кемеровской области, который и по сию пору считается одним из самых криминализованных в Российской Федерации. Можно представить себе, каким он был в “сороковые-роковые”. Так вот, в 1948-м в городе появились антисталинские листовки. Как выяснилось, их напечатала подпольная группа, созданная из учащихся старших классов мужской средней школы № 10 Ленинска-Кузнецкого. Я был знаком в некоторых участниками. Позднее этот эпизод попал в “Архипелаг ГУЛАг” Солженицына, где автор завершил рассказ такими словами: “Все школьники-участники подпольной группы были арестованы и бесследно сгинули в застенках ГУЛАга”. Но это ложь! В 1948 году я учился в десятом классе школы № 10 Ленинска-Кузнецкого, был знаком с некоторыми авторами листовок и участниками подпольной группы. Их действительно арестовывали, допрашивали, но через месяц отпустили. Поступок квалифицировали как “юношескую идеологическую незрелость”. Дали доучиться в школе, получить высшее образование и на дальнейшей их карьере этот демарш никак не отразился. Некоторые из них стали впоследствии директорами заводов, начальниками шахт, учёными.

После окончания десятого класса я один год (1949) работал сотрудником городской газеты “Ленинский шахтёр”. Однажды пришедший на работу утром редактор М. И. Ульянов (хорошо помню до сих пор его фамилию и имя-отчество) обнаружил чудовищную по тем временам ошибку – слово “Сталинград” было напечатано без буквы “р”. Потрясённый Михаил Иванович кинулся по газетным киоскам выкупать успевший поступить в продажу тираж газеты. Тем не менее, ошибка была замечена, и Ульянова вызывали в соответствующие инстанции “на ковёр”. Дело ограничилось партийным выговором.

Двумя годами раньше, в 1947-м, мы с моим товарищем Никодем Киселёвым, студентом горного техникума, участвовали в городской читательской конференции, посвящённой только что вышедшей и получившей Сталинскую премию книге Бориса Полевого “Повесть о настоящем человеке” – о герое лётчике Алексее Мересьеве. Уже тогда эта книга считалась культовой. А мы с Николаем осмелились критиковать её за низкий художественный уровень, за “плакатность”. Некоторые участники конференции даже назвали наши запальчивые мальчишеские выступления “антисоветскими”. Но нас никуда не вызывали и не подвергали никаким санкциям. А мой покойный ныне старший друг стал впоследствии доктором филологических наук Томского университета.

Приходится говорить об этих фактах, потому что время культа личности Сталина до сих пор грубо искажается, рисуется в сугубо чёрных тонах как время “бессмысленных запретов” и борьбы с малейшими проявлениями инакомыслия. Бытует мнение, что за чтение стихов Есенина будто бы сажали в тюрьму, а Борис Пастернак как критик Сталина вообще не издавался. Два слова на этот счёт.

Читательская конференция, о которой говорилось выше, была организована литературным кружком при городской библиотеке. Я посещал кружок с 1945-го по 1949-й год. Помню обсуждение томика лирики “инакомыслящего” Есенина.

Директор библиотеки Клавдия Ивановна Гоголева разрешала нам с Николаем Киселёвым рыться в книжных фондах, где обнаружили в 1945 году целый ряд сборников стихов другого “еретика” – Бориса Пастернака, который уже тогда, в сталинское время, высказывал своё несогласие с положением поэта в советском обществе: “Напрасно в дни великого Совета, / Где высшей страсти отданы места, / Оставлена вакансия поэта. / Она опасна, если не пуста”. В другом стихотворении, посвящённом самому вождю, Пастернак прямо позиционировал себя адресату как полюс “противоположного начала”. И поэту подобные “вольности” сходили рук! Историки рассказывают, что когда Берия приносил Сталину на утверждение “репрессивные списки, генсек неизменно вычёркивал фамилию Пастернака: “Не трогай этого небожителя!”

Фразу истолковывают по-разному. По-моему же, смысл может быть только однозначным: вождь понимал, с кем имеет дело. И понимание было обоюдным. Все позднейшие измышления о том, что Пастернак скрывал свои истинные взгляды на вождя, унижают великого поэта. Талант не может носить кукиша в кармане, это удел посредственностей, которые при жизни диктатора получали Сталинские премии, а после его смерти перевернулись в обличителей культа.

В 60-е годы была популярной бойкая песенка, написанная Юзом Алешковским (её выдавали за фольклорную), с такими ироничными словами:

*Товарищ Сталин, вы большой учёный,
в языкознанье знаете вы толк.
А я простой советский заключённый,
и мне товарищ серый брянский волк.*

Песенка намекала на участие Сталина в общесоюзной дискуссии по вопросам языкознания (1950). Либералы отпустили по поводу некомпетентности Сталина (чья библиотека насчитывала более 20000 книг, испещрённых многочисленными пометками, а норма чтения составляла сотни страниц в день) множество и других насмешливых замечаний.

Сошлюсь на личный опыт. Я в ту пору учился на первом курсе историко-филологического факультета, где в курсе “Введение в языкознание” нам преподавалась весьма странная, господствовавшая в ту пору “марксистская” теория академика Н. Я. Марра о языке, как “надстройке” и “классовом” феномене. Вполне серьёзно утверждалось, что в дореволюционной России существовало два языка: один обслуживал якобы интересы правящих классов, другим пользовались угнетённые массы народа. Выступивший в газете “Правда” И. В. Сталин подверг теорию Н. Я. Марра уничтожающей критике как не имеющую ни малейшего отношения к марксизму. Выступление вождя вернуло русскому языку его общенациональную функцию, а советскому языкознанию как науке – здоровую обстановку в научной среде, поскольку марризм навязывался учёным насильно, даже репрессивным путём.

В последующие годы учёбы в университете, помню, мы пристально изучали другие труды И. В. Сталина, например, его работу “Экономические проблемы социализма” и речь на XIX съезде компартии СССР, которые впоследствии вызывали издёвки либералов на тему примитивизма и необоснованных научных претензий.

Между тем, сами по себе упомянутые работы Сталина и теперь сохраняют провидческую ценность. Например, в “Экономических проблемах социализма” есть утверждение, что в будущем обществе денежные отношения будут заменены прямым продуктообменом. Даже сегодня такой прогноз может показаться странным и еретическим. Но разве американская мамона не торжествует сегодня в мире над Богом и дальнейшее торжество становится непосильным для экологии планеты? Разве это не источник всех видов катастроф именно в наше время? Разве не перспектива голода во всемирном масштабе признаётся главной угрозой экспертами ООН?

В очень короткой речи И. В. Сталина на XIX съезде ВКП(б) (1952) есть такие слова:

“Раньше буржуазия считалась главой нации, она отстаивала права и независимость нации, ставя их “превыше всего”. Теперь не осталось и следа от “национального принципа”. Теперь буржуазия продаёт права и независимость нации за доллары. Знамя национальной независимости и национального суверенитета выброшено за борт. Нет сомнения, что это знамя придётся поднять вам, представителям коммунистических и демократических партий, и понести его вперёд, если хотите быть патриотами своей страны, если хотите стать руководящей силой нации. Его некому больше поднять. Так обстоит дело в настоящее время”.

Всё верно, за исключением последней фразы. Она опередила сталинское время. Так “обстоит дело” лишь теперь, когда В. В. Путину как наследнику русского и советского пути развития нашей страны самой логикой истории предписано выполнять многие заветы Сталина, даже если от этого он будет вынужден публично отречься. Недаром уже сегодня столь шумны на Западе обвинения нашего президента в возвращении к сталинизму. Хотя именно Путин на практике строго соблюдает все правовые установки и обязательства,

принятые демократическим Западом, и подчёркивает, что цена сталинских побед неприемлема. Сам Сталин, конечно, отстаивал национальный русский путь отнюдь не демократическими методами. Но, как мы видим, он вовсе не абсолютизировал свои жестокие методы, говорил о необходимости реформ в стране. Но реформ в “своё время”, по его выражению, – видимо, имелось в виду время наше.

Кстати, сам Сталин, сохраняя основой своей личности твёрдый волевой стержень, заключённый в его псевдониме, постоянно учился, менялся и рос, заражая своим импульсом страну и молодёжь. Я сам могу свидетельствовать об огромной тяге к знаниям у народа в послевоенный период. Иосиф Джугашвили времен “эксов” и генералиссимус Сталин с его эволюцией от партийных идеологических приоритетов к общенародным – два разных человека. Для пользы страны он был готов брать лучшее из арсенала своих геополитических противников: вспомним его призыв к управленцам “соединить русский революционный размах с американской деловитостью”. Куда более вдумчивой, нежели у Ленина и у Хрущёва, была политика Сталина и в отношении Церкви. Бывший семинарист, он никогда не позволял себя издевательских высказываний по поводу Бога, как это неоднократно можно было встретить на страницах ленинских текстов. А в судьбоносный момент гитлеровского нашествия мобилизовал православный потенциал народа и, отвергнув атеистические догмы, привлёк верующих к борьбе с врагом. Сталин был гибким и научился за годы своего правления очень многому. Это только наших либералов двадцать лет реформ ничему не научили, они остались такими же твердолобыми и не знающими историю догматиками, как во времена гайдаровских реформ.

Соотношение нашего времени и сталинского приобретает сегодня принципиальное значение. Продолжая топтаться по советскому обществу и по личности Сталина, мы отрезаем себя от будущего. Ни одно государство в мире не было успешным, отрекаясь от своей истории. Кровавые диктаторы – Кромвель в Англии, Наполеон во Франции, Мао Цзэдун в Китае – по-прежнему официально признаны, как великие деятели данных государств, с которыми связано продолжение их истории. В Китае во всеуслышание объявлено, что Мао Цзэдун на две трети прав, а на треть ошибался. После того как ошибки китайского лидера были проанализированы и исправлены, в стране больше не ведётся по сути бессмысленная и мешающая движению вперед критика “великого кормчего”.

И лишь Сталин руками наших вездесущих либералов демонизируется как монстр, который, по заявлению недавнего руководителя Государственной Думы Б. Грызлова, “отцепил коммунистический вагон от поезда мировой цивилизации”. Зато Б. Н. Ельцин “прицепил” русский вагон в самый хвост цивилизации Клинтона-Обамы, и мы до сих пор не выберемся из этой действительно опасной сцепки. Опасной не только потому, что она угрожает национальному суверенитету России, но и потому, что впутывает нас в чужую тупиковую судьбу, разрушающую природу планеты, моральный дух человека и вызывающую всё большее отторжение здоровых сил человечества. Именно такую судьбу предсказывают Соединённым Штатам все пророки и прогнозисты от древних православных старцев до Шпенглера и Кейси. Те же пророки и прогнозисты сулят России будущий расцвет.

Известно поверье – говорить о мёртвых либо хорошо, либо ничего.

Кому и зачем выгодно осложнять будущее России глумлением над её прошлым?

Подводя итоги, повторю прозой, то, что мной неоднократно сказано стихами. Полагать, будто чуть ли не ежедневной телевизионной критикой Сталина вдохновители и исполнители критики оберегают страну от репрессивных эксцессов культа, – более чем наивно. Они добиваются как раз обратного. Такая критика на фоне торможения и блокировки усилий президента России по оздоровлению обстановки в стране и в мире лишь усугубляет эту обстановку и делает продолжение насилия необходимым. Вся история нашей страны подтверждает данную истину.

То, что случилось с Наполеоном и Гитлером, непременно произойдёт и с организаторами нынешнего вашингтонско-олигархического заговора на Украине. Украинские события складываются именно таким образом. Недвусмысленные аллюзии участников телевизионных дебатов в сторону русской олигархической верхушки и её группы поддержки тоже очевидны... Хотелось бы,

чтобы дальнейший ход истории пошёл по предсказанному И. В. Сталиным правовому и подлинно демократическому сценарию. Но это уже зависит от воли, разума и искренности западных руководителей государств, а также трезвой оценки ситуации со стороны “пятой колонны”. На фактор искренности хочу обратить особое внимание, потому что людей обмануть можно, Бога же, который “шельму метит”, — никогда. А то, что миром руководит не “вашингтонский обком”, не закулиса, но Он, с каждым нынешним днём становится всё очевидней.

Убеждён, что справедливое признание заслуг Сталина, как это делается в Европе, куда прагматичнее (употреблю этот любимый либералами термин) для России и для мира, чем огульное его охаивание.

А в первой половине XX века методы Сталина работали. Я поэт, но не могу не привести следующие статистические данные. В сталинском СССР прошла индустриализация, промышленный скачок, превративший его из региональной державы, какой была дореволюционная Россия, в сверхдержаву, вторую по мощи в мире, когда было построено 1500 заводов! В 1947 году промышленный потенциал страны был восстановлен, а в 1950-м без всякой внешней помощи, в условиях “холодной войны” и санкций, вдвое превзошёл довоенный уровень. Ни одна страна мира, пострадавшая в войне, к этому времени не вышла по своему экономическому развитию на довоенный уровень, несмотря на план Маршалла и другую помощь США. Население СССР за годы правления Сталина, которому приписывали чуть ли не 100 миллионов жертв (!), выросло на 41 миллион человек. Была создана первая армия мира численностью 5,5 миллиона человек, атомная и водородная бомба, достигнута всеобщая грамотность, за пять послевоенных лет цены на основные продукты питания были снижены более чем вдвое, в то время как в западных странах они за это время вдвое выросли.

Историк Сергей Голик, собравший вышеприведённые данные, указал, что первая в мире атомная электростанция была введена в эксплуатацию в СССР на год раньше, чем в Англии, и на два года раньше, чем в США. Только в СССР были созданы атомные ледоколы. Он привёл мнение кандидата в президенты США Стивенсона (1952 и 1956 год), утверждавшего, что если темпы роста производства в сталинской России сохраняются, то к 1970 году объём её производства в 3–4 раза превысит американский. Впечатляют и достижения страны в медицинской и социальной сфере. Детская смертность в 1950 году снизилась по сравнению с 1940 годом более чем в два раза. Число врачей возросло в 1,5 раза. Количество научных учреждений увеличилось на 40%. Студентов вузов стало больше на 50%. Благодаря сочетанию строгости законов, высокой, ориентирующей на служение обществу морали и личной безупречности самого Сталина, после смерти которого из личных вещей остался только его знаменитый френч, была полностью побеждена коррупция, которая для сегодняшней власти с её либеральной идеологией остаётся неразрешимой проблемой. А достижения СССР в фундаментальной науке, литературе, искусстве, внешнеполитические успехи страны, ставшей полностью независимой, создание блока стран Варшавского договора в Восточной Европе, Ялтинские соглашения, на 60 лет выстроившие устойчивую геополитическую архитектуру!

Благодаря чему были достигнуты подобные поразительные результаты? Не заключённые же всё это построили, как нам внушали не очень далёкие историки! Думаю, дело не только в волевых и интеллектуальных силах вождя, сумевшего найти ключ к народной душе, но и в том, что вектор сталинской воли совпадал с вектором Божественной Воли и Провидения, которое явно не хотело ни тогда, ни сейчас, чтобы Россия шла по западному пути.

Недавно режиссёр Никита Михалков, упрекнуть которого в любви к Сталину невозможно, рассказал по ТВ интересный случай. Когда во время съёмки его фильма в помещение, где находилась группа артистов и кинооператоров, неожиданно зашёл актёр, загримированный под Сталина, то все расслабленно сидевшие люди молча встали со своих мест. Наверное, либералы закричат: “Рабы!” А я вижу в такой бессознательной архетипической реакции нашего народа (в данном случае, интеллигенции) на эту величайшую личность русской истории уважение к силе и признание за такой фигурой права на владычество. Народ, почитающий власть и стоящий на ногах, не будет ни воровать, ни пьянствовать, ни убивать время на просмотр мыльных опер. Он будет работать и защищать свою страну так, что никакие санкции и угрозы не будут страшны.

Вместо бессмысленных криков и споров, хорош вождь или плох (ясно, что по меньшей мере он неоднозначен), гораздо важнее начать спокойную и вдумчивую работу, обсуждение и попытаться понять, что полезного и ценного для страны нужно взять в наше настоящее и будущее из политического наследия Сталина — этого величайшего в XX веке государственного деятеля и гения мобилизации. Но первым шагом в восстановлении исторической справедливости в отношении Сталина мне кажется всё-таки необходимость пойти навстречу ожиданиям народа и возратить к дню 70-летия Победы городу Сталинграду его законное имя. Это имя главного победителя германского фашизма поможет нашей стране и миру справиться с новыми формами фашизма, поднимающего голову на Украине и в Европе. Бояться будут больше, как боялись Сталина при жизни западные политические лгуны. Да и праздник в народе по поводу такого события будет таким же бурным и долгим, как после присоединения Крыма. Власть для него навсегда станет своей, родной, нашей. Теперь слово стихам.

КОМАРОВКА

В ночь на Покров, в тридцатом, с парохода
они сошли у этих берегов
в глухой кедрач —
шестьсот врагов народа,
сынов и внуков классовых врагов.
Суровую страна явила милость —
живи, коль помереть ты не готов.
И сотней труб к весне тайга дымилась,
и рядом встало столько же крестов.
Сменили пятистенники
землянки,
и становилось всё, как у людей:
и общий клин, и личные делянки,
и на сто вёрст тайгой володей.
И радио, и флаг над сельсоветом,
и патефон, и Библия в пыли,
и даже в новых горницах портреты
того, кто ими правил издали
тяжелой и бестрепетной рукою.
К Покрову в сорок первом, аккурат,
бессонная пехота под Москвою
из Комаровки приняла солдат.
Никто из них под танками не дрогнул,
к фашистам в плен не сдался не один.
Так отчего же нынче в Комаровку
не стали теплоходы заходить?
Ах, Комаровка — или это снится? —
В твоих дворах крапива да пырей,
да ночи беспросветные в глазницах,
в пустых глазницах окон и дверей.
Уж не узнать, кто вязь карнизов ладил
и бросил всё, отчалил в города,
и где теперь сердца Серёжи с Надей,
пронзённые стрелой на воротах?
Ах, Комаровка, неулыба сроду!
Стоишь, пока тайгой не заросла,
как памятник эпохе и народу,
не помнящему той эпохе зла.

1974

БАЛЛАДА О ДИРЕКТОРЕ ЗАВОДА

Сибирский город, а какой — неважно,
важнее то, что в нём варили сталь,
идушую на танковые башни
для Т-34.

И представь
не то, что эта сталь огнём хлестала
в чужих солдат и берегла своих,
а то, что этой стали было мало
и что однажды телефон звонит:

— Алло, директор?

— Да.

— Товарищ Сталин

Вас вызывает.

— Сталин? Я всегда...

И голос глуховатый в трубке:

— Стали

даёте мало. Слышите?

— Да, да!

Я слышу, мы, конечно, примем меры, —
директор зачастил, —
но горняки...

Не сразу вник он, от волнения серый,
что слушает короткие гудки.

Но справился с волнением, вызвал замов,
потребовал повысить домен мощь.

А через месяц срочной телеграммой
был вызван в Кремль.

...Москва. Глухая ночь.

Дубовый тамбур. Молотов, Устинов,

Калинин и другие. Холод стен.

И сквозь усы знакомые, густые
негромкие

слова:

— Товарищ Эн

был нами извещён, что сталь сегодня
решает всё. И плохо понял нас.

Он выпуск лишь на семь процентов поднял,
по существу не выполнил приказ.

Страна в крови. Такой работы линия
преступна. Предлагаю расстрелять.

Есть возраженья у товарища Калинина?

— Нет возражений. Трудно поправлять, —

Калинин встал, — подобную работу.

Но может быть, последний срок дадим?

...Вошёл директор в Спасские ворота
черноволосым, а ушёл седым.

Он дома, возвратившись из столицы,
собрал актив на несколько минут.

— Мы будем спать, обедать и трудиться
в цехах завода. Все. Нас домны ждут.

Металл пошёл, пошёл он вдвое, втрое...

Ну, а потом Тацинская была,
огонь и гром морозовского боя
и Прохоровки грозные дела...

1980

ТЕБЕ, ПОБЕДА

Никуда от пафоса не денусь,
не могу не написать стихов.
Я люблю тебя за неподдельность
святости твоей, твоих грехов.
Ты вместила на полях и займищах
наш позор и славу, кровь и дым,
мужество, какого мир не знал ещё,
и свинцовый ливень... по своим.
Да, мы помним, мы, конечно, помним
тот, с известным номером, приказ.
Только он не гневом душу полнит —
пониманьем наполняет нас.
Сорок первый был щемящ и жуток,
оттого суров сорок второй.
Маршалы твои! Георгий Жуков!
А народ! Сказать, что он герой,
мало — он в самом аду кипящем
укреплял и суть свою, и стать.
Был и вождь, жестокий, настоящий,
времени и родине под стать.
Нет вождей и маршалов в России,
и врага густой скрывает дым.
Сердце, только сердце с прежней силой
верит — всё равно мы победим!

1995

ДИКТАТОР

Я бы с ним сработался едва ли,
превратился бы, наверно, в прах
в братской яме,
или же дневалил
где-нибудь в колымских лагерях.
Сердце стынет, вспоминая это.
Но иное помним тоже мы —
в царствие его была планета
спасена от ядерной зимы!
Это нынче расхрабрились черти,
а в ту пору на войне святой
жизнь тащили по ухабам смерти
и они под грозною пятой.
Он для нас загадка из загадок.
До сих пор покоя не даёт.
Кто его зовёт исчадьем ада,
кто своим заступником зовёт.
А Заступник Главный и Спаситель
повторяет мёртвым и живым:
— Не судите, люди, не судите,
не судимы будете и вы.

2000

МЫ ТВОИ РЯДОВЫЕ, РОССИЯ

Родина, великие тираны
к славе привели тебя, один
заставлял дрожать, бывало, страны,
если только бровью поводил.

Ни себя он не щадил, ни подданных —
всех на испытания обрѣк.
Но не совладал с кротами родины —
затаились, выдержали срок.

И когда исчезли корни страха,
вылезли из нор глубоких в дол,
разжирели на опилках праха,
подпилив молчком державный ствол.

С нами так бывало не впервые —
падали и кедры, и дубы.
С глаз ушли вожди, но рядовые
не легли в могильные гробы.

Как нас вражья сила ни косила,
не смогла под корень извести.
Охрани же рядовых, Россия,
дай нам встать и дух перевести!

2005

НЕ ВЫЧЕРКНУТЬ

Он у стены кремлёвской одинок,
как на развилках всех его дорог.
Злодей для многих, для других — отец,
вождь и палач, безбожник и мудрец.
Творец триумфов наших и обид,
ни на минуту миром не забыт
и как зарытый в землю грозный прах
и как непрекращающийся страх
для всех творящих в этом мире зло,
которым ненадолго повезло.
Но нас просил перед концом пути
хлам на его могиле разгрести.

2007

ВИЗИТ ДЕ ГОЛЛЯ НА МОГИЛУ СТАЛИНА В 1966 ГОДУ

Его просил на трон взошедший Брежнев
Покойного тирана не будить.
Но визитёр был твёрд и сухо вежлив
В желании к могиле проводить.
А дальше был урок или экзамен
Генсеку: генерал купил венок,
К надгробью положил и молча замер,
Подняв свою ладонь под козырёк.
О чём он, стоя у могилы, думал,
Никто не знает, но когда угрюмо
Прервал советский лидер тишину,
Мол, страшный вождь навеки испарился,
Де Голль сказал:
— Не умер — растворился
В том будущем, где не хранят вину.

2013

ВОЖДЬ

*На мою могилу нагребут много мусора,
но ветер истории развеет его.*

Из завещания И. В. Сталина

Как не стереть на карте Гималаев
в пылу “демократических” затей,
так и того, кто шавками обляян,
не вычеркнуть из памяти людей.
Когда Россию бесы ввергли в смуту,
и встал вопрос: нам быть или не быть? —
он — нравится, не нравится ль кому-то —
смог обуздать их дьявольскую прыть.
Он против них направил их законы,
он в будущее проложил мосты.
он армии вернул её погоны,
церквям — их литургии и кресты.
Нам говорят: он много пролил крови.
Но кто её у нас с расчётом льёт?
И почему по жести русских кровель
так много гроз столетиями бьёт?!
Да, был жесток. Но чтил войны обычай:
поднявший меч погибнет от меча.
И Божий суд, не знающий различий,
карал при нём любого палача.
Кровавый счёт всех большевистских боен
историками выставлен ему,
но холокост казачий был устроен
не им, как и побоище в Крыму.
Не он назвал народ наш “русским быдлом”,
не им придуман вздор “господских рас”.
Он даже тех, кого задумал Гитлер
под корень извести, от смерти спас.
А главное, страну устроил в силе.
И новой мощи нам не обрести,
пока на неухоженной могиле
весь мусор не сумеем разгрести.

* * *

Критик, не лови меня на слове,
что, мол, славлю сталинскую жуть.
У эпохи дьявольской на сломе
я молитву древнюю твержу.

Если вместо тихого прощенья
осуждаешь эхо прежних бурь,
приготовься, друг мой, к возвращенью
новых льдов и старых диктатур.

Не спешి направить злобный выстрел —
рикошет ударит под ребро...
Зло, конечно, всё решает быстро,
но всегда задумчиво добро.

Волки скоры, бестолковы овцы,
это всё не кончится, пока
сердце не зажжётся, словно солнце,
не на Пасху только —
на века.